

В.Л. ТАМБОВЦЕВ

Культура как фактор модернизации: положительный, отрицательный или нейтральный?

В статье показано, что тезис о влиянии национальной культуры на модернизацию страны может быть оправдан, если под культурой понимается совокупность неформальных норм, а не социетальных ценностей, а под ее носителями – потенциальные агенты изменений, а не население страны в целом. Для России отсутствуют эмпирические данные о культуре потенциальных агентов изменений, поэтому для научных выводов о влиянии культуры на возможности модернизации страны нет пока достаточных оснований.

Ключевые слова: модернизация, культура, социальные ценности, формальные нормы, неформальные нормы.

Как показывает недавний обзор Д. Травина, среди обоснований неизбежности особого пути развития России весомое место занимают ссылки на специфику российской культуры [Травин 2015]. Нужно отметить, что культурологический подход к проблематике модернизации сам по себе вызывает серьезные сомнения. Д. Трубицын в этой связи отмечает: «...любая дискуссия о сущности культуры в процессе модернизации становится в конечном итоге дискуссией между культурологией и социологией. Есть основания понимать культурологию и социологию как два принципиально различных и во многом взаимоисключающих способа изучения общества, и в попытке решения проблемы модернизации необходимо сделать выбор, поскольку их синтез представляется невозможным.

Первый способ – культурологический – направлен на изучение индивидуального и уникального, здесь и только здесь он может использоваться, и всякий раз, когда культурология пытается объяснить мир в целом, она заводит исследователя в постмодернистский тупик, представляющий реальность “культурным текстом”. Причина очевидна – то, что направлено на изучение индивидуального, каковым является культура, не может быть методом обобщения, именно поэтому постмодернизм склонен отрицать социальное как общее в феномене общественного.

Тамбовцев Виталий Леонидович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 46. E-mail: tambovtsev@ecom.msu.ru

Второй способ – социологический – направлен на изучение общего, и при осмыслении модернизации как глобального общественного процесса необходим именно он» [Трубицын 2010, с. 39].

Приведенные положения имеют, однако, чисто методологический характер, и в этом плане нуждаются в более содержательных обоснованиях, которые должны заключаться в анализе *механизмов* влияния культуры на ход процессов развития. Именно такой анализ способен показать, к какой мере и как национальная культура способна влиять на развитие страны.

С моей точки зрения, для проведения такого анализа нужно в первую очередь ответить на два вопроса: что понимается под культурой? и о культуре каких субъектов идет речь? Исходя из имеющихся подходов к исследованию национальных культур, можно выделить следующие основные варианты понимания культуры: 1) совокупность социетальных ценностей; 2) совокупность норм поведения или поведенческих практик. Соответственно, в качестве вариантов “носителя” культуры имеет смысл рассматривать: а) все население страны; б) различные ресурсобеспеченные группы как потенциальные агенты модернизации, включая “правителя”, то есть высшее руководство государства.

Рассмотрим подробнее названные варианты. Ныне в научной литературе наиболее распространено понимание национальной культуры как совокупности социетальных ценностей [Hofstede 1980; Schwartz, Sagie 2000; House, Javidan, Dorfman 2001; Inglehart, Basanez, Deiz-Medrano, Halman, Luijkt 2004]. Исходя из данных опросов граждан по специальным анкетам, исследователи формируют кластеры близких ответов, интерпретируя их как те или иные социетальные ценности. Поскольку между средними ответами респондентов, живущих в разных странах, существуют различия, последние трактуются как различия национальных культур. Числовой характер получающихся “профилей культур” дает исследователям возможность включать элементы этих профилей в эконометрические уравнения и делать различные содержательные выводы о влиянии культуры на социально-экономические процессы.

На фоне множества таких эмпирических работ существует, однако, и критика такого подхода, позволяющая заключить, что репрезентация в социально-экономическом анализе национальной культуры социетальными ценностями непродуктивна и ведет к некорректным выводам. Это заключение имеет, как минимум, два основания: статистическое и поведенческое.

С точки зрения статистики, перенося параметры, характеризующие совокупность опрошенных, на каждого из ее членов, исследователи совершают так называемую экологическую ошибку, то есть приписывание статистических отношений, существующих на уровне *группы*, каждому *элементу* этой группы [Brewer, Venaik 2014]. И действительно, страновой “общекультурный” фактор объясняет только 2–4% вариаций в индивидуальных ценностях [Green, Deschamps, Pérez 2005; McSweeney 2009]. Ответ на эту критику со стороны Г. Хофстеде – одного из основных ее объектов – прозвучал следующим образом: “Говорить, что группы, такие как нации или этнические группы, не должны изучаться, поскольку индивиды, из которых они состоят, более разнородны, чем сами группы, которые они составляют, все равно что сказать, что не нужно изучать индивидов, поскольку клетки, из которых они состоят, гораздо более разнородны, чем человеческие существа на нашей планете” [Minkov, Hofstede 2012, p. 135].

Легко видеть, что этот ответ, мягко говоря, “не про то”: никто и никогда не отрицал возможность и необходимость изучать общие характеристики конструкта, именуемого “национальная культура”. Вопрос в другом: можно ли переносить эти характеристики на каждого из конкретных людей, действующих в рамках группы, одним из описаний которой является этот конструкт? Ответ, как следует из сказанного выше, отрицательный. Более того, отвечая десятью годами ранее на схожую критику, Хофстеде четко заявил – измерения не существуют [Hofstede 2002], понимая под измерениями в данном случае те самые кластеры, которые он получал, обрабатывая результаты индивидуальных измерений ценностей.

С точки зрения поведенческого анализа, репрезентация культуры ценностями непродуктивна, поскольку непосредственно они не влияют на поведение: между ценностями и действиями находится несколько опосредующих факторов [LaPiere 1934; Bandura 1977; Ajzen 1991; Rimal, Real 2005], которые влияют на действия не менее, если не более сильно, чем ценности. Поэтому ответом на вопрос, составляющий заголовок статьи, М. Морриса “Ценности как сущность культуры: основания или заблуждение?” [Morris 2014], является второй, а не первый вариант.

Представления о национальной культуре как совокупности неформальных норм и связанных с ними ментальных конструкций также распространены среди исследователей, хотя и менее широко, чем ее ценностная трактовка. Это связано, как представляется, во многом с тем, что *измерить нормы* гораздо сложнее, чем измерить ценности. Так, Р. Фишер и др. предложили интерпретировать культуру как совокупность дескриптивных (субъективных) норм [Fischer et al. 2009], а [Gelfand, Nishii, Raver 2006] привлекли внимание к такой характеристике культуры, как ее плотность/рыхлость, понимая под ними ту степень свободы действий индивида, которую предоставляют нормы культуры. А в другой работе культура определяется как совокупность интерсубъективных представлений о ней, такие представления трактуются как “убеждения и ценности, которые участники культуры воспринимают как те, которые должны быть широко распространены в их культуре” [Chiu, Gelfand, Yamagishi, Shteynberg 2010, p. 482]. Близка к очерченному пониманию трактовка культуры как процесса [Kemmelmeier, Kühnen 2012].

Некоторую возможность измерить культурные нормы предоставляет проект М. Бонда и К. Леунга, направленный на выявление распространенности в различных культурах так называемых *социальных аксиом* [Leung, Bond et al. 2002]. Если ценности, кратко говоря, — это представления о предпочтительных *состояниях* окружающего мира, то социальные аксиомы — это убеждения относительно существования *связей* между компонентами мира между собой и с действиями людей. Эти убеждения отражают опыт существования человека в природном и социальном мире, включая и опыт взаимодействия с другими людьми, в силу чего они и могут служить репрезентациями национальной культуры. Измерения социальных аксиом проводились, в частности, и в России [Татарко, Лебедева 2008].

Обращусь теперь к вопросу о том, культура *каких субъектов* может быть значима с точки зрения влияния на процессы модернизации. В науке давно сформировалось представление о существовании и значимости *агентов изменений* — влиятельных индивидов или групп, способных осуществлять трансформации социально-экономических феноменов (процессов, институтов, организаций), преодолевая теми или иными способами сопротивление тех, кому такие изменения не представляются приемлемыми. Для разных объектов и типов изменений их агентами выступают, разумеется, разные индивиды и группы. В современной России потенциальными агентами модернизационных изменений выступают, как представляется, следующие группы: чиновники высоких рангов (включая силовиков), менеджеры и владельцы крупных фирм, а также предприниматели (крупные и средние). Именно у них есть те или иные ресурсы, необходимые для осуществления масштабных преобразований социально-экономических процессов.

Будут ли эти ресурсы использованы для сохранения *status quo* или для его изменений, и если для изменений — то каких, зависит, в частности, и от их культурных характеристик, таких как сложившиеся у них социальные аксиомы, субъективные нормы и т.п. На их выбор, безусловно, не может не влиять ожидаемое соотношение выгод и издержек, причем отнюдь не только экономических, материальных. Немаловажны также и черты личностей потенциальных агентов модернизации — открытость новшествам, коммуникативные способности и т.п. Проблема, однако, заключается в том, что все эти параметры, относящиеся как к социетальной культуре, так и к чертам личности потенциальных агентов модернизации, *неизвестны исследователям*. Переносить

же на них параметры, замеренные для тех или иных выборок, – значит, совершать *экологическую ошибку*.

Важно отметить и еще одно обстоятельство: мало того, что социетальные культуры – вовсе не согласованные системы (социальных аксиом, субъективных норм или ценностей), так и в этой рыхлой совокупности индивид всегда найдет ту, что отвечает конкретной ситуации выбора, в которой он находится: “...ясно, что в зависимости от требований ситуации, адаптивными являются как стратегии, ориентированные на индивидуализм, так и стратегии, ориентированные на коллективизм; следовательно, человеческий мозг, скорее всего, способен думать обоими этими путями” [Oyserman, Kimmelmeier, Coon 2002, p. 110].

Таким образом, подводя итог изложенному, можно заключить, что на сегодняшний день *научных* оснований для каких-либо выводов о том, является ли российская социетальная культура фактором, тормозящим, ускоряющим или никак не влияющим на процессы модернизации, просто нет. Разумеется, это никак не может помешать всем желающим, несмотря на отсутствие эмпирических данных, активно обсуждать роль российской культуры в процессах изменений российского общества и его экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Татарко А. Н., Лебедева Н. М. (2008) Кросс-культурное исследование социальных аксиом в России: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками // Актуальные проблемы социально-психологической адаптации мигрантов в современном мире. Пенза: Материалы Международной научно-практической конференции. С. 228–244.

Травин Д. Я. (2015) Теории особого пути России: классики и современники. Препринт М-43/15. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Трубицын Д. В. (2010) Онтологический статус культуры и ее роль в процессе модернизации // *Философские науки*. № 11. С. 36–52.

Ajzen I. (1991) The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50. Is. 2. Pp. 179–211.

Bandura A. (1977) Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change // *Psychological Review*. Vol. 84. No. 2. Pp. 191–215.

Brewer P., Venaik S. (2014) The Ecological Fallacy in National Culture Research // *Organization Studies*. Vol. 35. Is. 7. Pp. 1063–1086.

Chiu C.-Y., Gelfand M. J., Yamagishi T., Shteynberg G., Wan C. (2010) Intersubjective culture: The role of intersubjective perceptions in cross-cultural research // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 5. No. 4. Pp. 482–493.

Fischer R., Ferreira M. C., Assmar E., Redford P., Harb C., Glazer S., Cheng B. S., Jiang D. Y., Wong C., Kumar N., Kaertner J., Hofer J., Achoui M. (2009) Individualism–collectivism as descriptive norms: Development of a subjective norm approach to culture measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 40. No. 2. Pp. 187–213.

Gelfand M. J., Nishii L. H., Raver J. L. (2006) On the nature and importance of cultural tightness-looseness // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 91. No. 6. Pp. 1225–1244.

Green E. G. T., Deschamps J.-C., Páez D. (2005) Variation of Individualism and Collectivism within and between 20 Countries: A Typological Analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 36. No. 3. Pp. 321–339.

Hofstede G. (1980) *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills: Sage.

Hofstede G. (2002) Dimensions do not exist – a reply to Brendan McSweeney // *Human Relations*. Vol. 55. No. 11. Pp. 1355–1361.

House R. J., Javidan M., Dorfman P. (2001) The GLOBE project // *Applied Psychology: An International Review*. Vol. 50. No. 4. Pp. 489–505.

Inglehart R., Basanez M., Deiz-Medrano J., Halman L., Luijckx R. (eds.) (2004) *Human beliefs and values: A cross-cultural sourcebook based on the 1999–2002 values surveys*. Mexico City: Siglo XXI.

Kimmelmeier M., Kühnen U. (2012) Culture as process: The dynamics of cultural stability and change // *Social Psychology*. Vol. 43. No. 4. Pp. 171–173.

LaPiere R.T. (1934) Attitudes vs. Actions // *Social Forces*. Vol. 13. Is. 2. Pp. 230–237.

Leung K., Bond M. H., de Carrasquel S. R., Munoz C., Hernandez M., Murakami F., Yamaguchi S., Bierbrauer G., Singelis T. M. (2002) Social axioms: the search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 33. Is. 3. Pp. 286–302.

McSweeney B. Dynamic diversity: variety and variation within countries (2009) // *Organization Studies*. Vol. 39. No. 9. Pp. 933–957.

Minkov M., Hofstede G. (2012) Is National Culture a Meaningful Concept? Cultural Values Delineate Homogeneous National Clusters of In-Country Regions // *Cross-Cultural Research*. Vol. 46. Is. 2. Pp. 133–159.

Morris M. W. (2014) Values as the Essence of Culture: Foundation or Fallacy? // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 45. Is. 1. Pp. 14–24.

Oyserman D., Kimmelmeier M., Coon H. M. (2002) Cultural Psychology, A New Look: Reply to Bond (2002), Fiske (2002), Kitayama (2002), and Miller (2002) // *Psychological Bulletin*. Vol. 128. No. 1. Pp. 110–117.

Rimal R. N., Real K. (2005) How behaviors are influenced by perceived norms: A test of the theory of normative social behavior // *Communication Research*. Vol. 32. Is. 3. Pp. 389–414.

Schwartz S. H., Sagie G. (2000) Value consensus and importance: A cross-national study // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 31. No. 4. Pp. 465–497.

Culture as a factor of modernization: positive, negative, or indifferent one

V. TAMBOVTSEV*

***Tambovtsev Vitaly** – doctor of sciences (Economics), chief researcher scientist, faculty of Economics Lomonosov Moscow State University. Address: 1 b, 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: tambovtsev@ecom.msu.ru

Abstract

It is shown that thesis about national culture influence on country's modernization can be justified only if culture is treated as a set of informal norms not as a set of societal values, and culture-bearers are treated as potential agents of change not as general population. For Russia now there are no empirical data about potential agents of change culture that means that there are no sufficient grounds for scientific evidence about influence of culture on the country's modernization.

Keywords: modernization, culture, societal values, formal norms, informal norms.

REFERENCES

Ajzen I. (1991) The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 50, is. 2, pp. 179–211.

Bandura A. (1977) Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*, vol. 84, no. 2, pp. 191–215.

Brewer P., Venaik S. (2014) The Ecological Fallacy in National Culture Research. *Organization Studies*, vol. 35, is. 7, pp. 1063–1086.

Chiu C.-Y., Gelfand M. J., Yamagishi T., Shteynberg G., Wan C. (2010) Intersubjective culture: The role of intersubjective perceptions in cross-cultural research. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 5, no. 4, pp. 482–493.

Fischer R., Ferreira M. C., Assmar E., Redford P., Harb C., Glazer S., Cheng B. S., Jiang D. Y., Wong C., Kumar N., Kaertner J., Hofer J., Achoui M. (2009) Individualism – collectivism as descriptive norms: Development of a subjective norm approach to culture measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 40, no. 2, pp. 187–213.

- Gelfand M. J., Nishii L. H., Raver J. L. (2006) On the nature and importance of cultural tightness-looseness. *Journal of Applied Psychology*, vol. 91, no. 6, pp. 1225–1244.
- Green E. G. T., Deschamps J.-C., Páez D. (2005) Variation of Individualism and Collectivism within and between 20 Countries: A Typological Analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 36, No. 3, pp. 321–339.
- Hofstede G. (1980) *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills: Sage.
- Hofstede G. (2002) Dimensions do not exist – a reply to Brendan McSweeney. *Human Relations*, vol. 55, No. 11, pp. 1355–1361.
- House R. J., Javidan M., Dorfman P. (2001) The GLOBE project. *Applied Psychology: An International Review*, vol. 50, No. 4, pp. 489–505.
- Inglehart R., Basanez M., Deiz-Medrano J., Halman L., Luijckx R. (eds.) (2004) *Human beliefs and values: A cross-cultural sourcebook based on the 1999–2002 values surveys*. Mexico City: Siglo XXI.
- Kemmelmeier M., Kühnen U. (2012) Culture as process: The dynamics of cultural stability and change. *Social Psychology*, vol. 43, No. 4, pp. 171–173.
- LaPiere R.T. (1934) Attitudes vs. Actions. *Social Forces*, vol. 13, is. 2, pp. 230–237.
- Leung K., Bond M. H., de Carrasquel S. R., Munoz C., Hernandez M., Murakami F., Yamaguchi S., Bierbrauer G., Singelis T. M. (2002) Social axioms: the search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 33, is. 3, pp. 286–302.
- McSweeney B. (2009) Dynamic diversity: variety and variation within countries. *Organization Studies*, vol. 39, No. 9, pp. 933–957.
- Minkov M., Hofstede G. (2012) Is National Culture a Meaningful Concept? Cultural Values Delineate Homogeneous National Clusters of In-Country Regions. *Cross-Cultural Research*, vol. 46, is. 2, pp. 133–159.
- Morris M. W. (2014) Values as the Essence of Culture: Foundation or Fallacy? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 45, is. 1, pp. 14–24.
- Oyserman D., Kemmelmeier M., Coon H. M. (2002) Cultural Psychology, A New Look: Reply to Bond (2002), Fiske (2002), Kitayama (2002), Miller (2002). *Psychological Bulletin*, vol. 128, No. 1, pp. 110–117.
- Rimal R. N., Real K. (2005) How behaviors are influenced by perceived norms: A test of the theory of normative social behavior. *Communication Research*, vol. 32, is. 3, pp. 389–414.
- Schwartz S. H., Sagie G. (2000) Value consensus and importance: A cross-national study. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 31, No. 4, pp. 465–497.
- Tatarko A. N., Lebedeva N. M. (2008) Kross-kulturnoe issledovanie socialnyh aksiom v Rossii: struktura i vzaimosvyazi s socialno-ehkonomicheskimi ustanovkami. [Cross-cultural research into social axioms in Russia: structure and interconnection with socio-economic policy] *Aktualnye problemy socialno-psihologicheskoy adaptacii migrantov v sovremennom mire*. [Relevant issues of socio-psychological adjustment of migrants in contemporary world] Penza: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Materials of the international scientific and practical conference], pp. 228–244.
- Travin D. Ya. (2015) *Teorii osobogo puti Rossii: klassiki I sovremenniki*. [Theories of a special path of Russia: classics and contemporary]. Preprint M-43/15. St.-Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Petersburge.
- Trubicyn D. V. (2010) Ontologicheskij status kultury i ee rol v processe modernizacii [Ontological status of culture and its role in the process of modernization]. *Filosofskie nauki*, No. 11, pp. 36–52.